

ПРОСТО

Шарбану Бейсенова

ЗАГАДКИ НОЧИ

Рассказ

После этого происшествия Жанганым собралась в дорогу. Когда автобус, проехав аул Текес, повернул в сторону широкой речной долины, она увидела, что берега реки безжалостно изрезаны могучим потоком с гор, пронесшимся после недавнего свирепого ливня, во многих местах они превратились в крутые свежие обрывы. Когда глазам предстали отвесные мрачные яры с зияющими расщелинами, обширные обвалы, среди которых клокотала взбаламученная вода, ей, как накануне, стало не по себе.

– В новом Текесе вода смыла немало дворов, – тихо перешептывались пассажиры. Наверное, на самом деле, так. Разве не доказывают это жуткие следы потока, разворотившего берега?

– Говорят, унесло водой мост на дороге, ведущей со стороны Дараты, – сказал кто-то.

Пассажиры дружно прильнули к стеклам. Лишь одна Жанганым осталась неподвижной на своем месте, не осмеливаясь взглянуть в ту сторону. Вспомнилось ей невольно, как в ту дождливую ночь они вплотную подъехали к этому мосту и повернули обратно.

Все же бросила она взгляд краем глаз, и когда увидела оголенный, уродливый костяк моста, с пустотой в середине, страх вновь охватил ее, она похолодела в пронизывающем ознобе. Она словно осознала, что та ночь была одна из самых опасных в ее жизни.

«Ойпырмай, а ведь были мы на краю гибели», – подумала она, да едва не заработала на свою голову дурную славу. Рядом с ней было тогда несколько родственников, которые сопровождали ее в той поездке, словно группа поддержки. Самой старшей среди них была она. Разве не знак это свыше для нее? Наверное, рядом с ней был ангел-хранитель. Это он помог ей... И она глубоко задумалась о предзнаменованиях той ночной дороги...

События тех дней до мельчайших деталей проходили перед ее глазами.

* * *

...В ауле она довольно долго не была, поэтому младший брат мужа, обожавший ее, Нурболат, и невестка Гулжанат решили устроить для нее отдых на чистом воздухе, в горах. Когда они сказали об этом, Жанганым не сразу дала согласие, дескать, зачем вам лишние хлопоты? Однако они не отступали, и тогда она для вежливости поинтересовалась:

– Куда вы хотите свозить меня?

– Не так уже далеко отсюда, в сторону Дараты. Один из наших родичей держит там кобыл. Сейчас как раз время, когда подросли ягнята, так что угостимся ягнятиной, напьемся вдоволь кумыса. По дороге расскажу одну занятную историю, – значительно сказала Гульжан и от души звонко рассмеялась чему-то.

На бескровном бледном лице Жанганым промелькнула улыбка, сразу оживив ее, она много времени проводила в офисе, тратя зрение на чтение рукописей, изучение всяких книг, и чувствовала себя изрядно утомленной. Действительно, без солнца и свежего воздуха, ведя сидячий образ жизни, не стала ли она заправским книжным червем?

Обещание Гульжанат развлечь по дороге какой-то историей особенно не заинтересовало ее. «Что она мне поведаст, кроме хулиганских проделок задиристых аульных парней?» Ее тронуло за душу совсем другое из сказанного Гульжанат – слово «Дараты». Уже давно жило в памяти это странное слово, и не потому, что оно не читалось по казахским корням, а по той причине, что когда-то не сходило с уст покойной свекрови. Слышала часто о Дараты, однако, не доводилось бывать там, но вот как будто выпал случай, как не радоваться этому?

Ближе к обеду микроавтобус, битком набитый, мчался по косогорам в сторону Бозтобе. В этих краях весна наступает с запозданием. Если опаздывает весна, откуда же появиться желанному лету, оно тоже не спешит. Хотя сейчас на дворе уже июнь, по всем признакам здесь только наступила весна. Мир томно раскинулся под ласками прохладного ветерка, накрывшись покрывалом свежих зеленых лугов. Солнечные лучи проникали в самую душу, радуя ее; светлая, омытая тишина стояла кругом. И лился, отсвечивал по долинам и склонам теплый, отстоявшийся багрянец солнца. Бежать бы по этим лугам и бежать, как в детстве, подставив лицо солнечному потоку... Жанганым отдалась душой этим грезам.

– Тате¹, не поговорить ли нам? – Она вздрогнула от неожиданного голоса.

Машина, оставив позади аул, не заезжая в Нарынкол, обогнув взгорье Кызылуша, направилась в сторону Костобе. Величественное плоскогорье, окутанное синева-то-сизой дымкой, и горизонт – выше него исходящий в трепете марева. Костобе виднелось так отчетливо, что казалось на расстоянии вытянутой руки – еще немного и машина подъедет к нему. Однако, как по волшебству, чем дальше ехали к нему, тем больше аул отодвигался вдаль, не подпуская к себе. Как удачно назвали люди эти вершины – «Костобе». Две вершины по мере приближения все больше смахивали на тугие груди юной девы, раскинувшейся вольно по просторам. В качающейся машине казалось, что эти груди то вздымаются вверх, то плавно опадают, и это усиливало впечатление, будто дева дремлет, ритмично дышит себе в покойном отдыхе.

Спустя некоторое время микроавтобус съехал с асфальта, повернул налево и помчался наискось через возвышенность, петляя по бездорожью. Костобе осталось где-то в стороне.

Жанганым в молодости изрядно поездила по стране, повидала, как говорится, города и веси. Немало пришлось тогда поколесить и по ухабам бездорожья. В те времена ей нередко доводилось восхищаться колдовскому умению аульных парней водить машину по распутице на бескрайних просторах и всегда вовремя доставлять на место, тогда как на бесконечных грунтовых дорогах не было никаких дорожных знаков. И сейчас хозяин машины Нурболат без тени смущения уверенно гнал свой микроавтобус то по впадинам, то по косогорам. Мало того, осторожничая, стараясь, чтобы не било пассажиров на ухабах, вел машину с равномерной скоростью. В окрестностях не видно ни души. В океане голубого воздуха они плыли, словно на корабле.

Как она ни старалась, напрягая память, представить облик Дараты, у нее это не получалось. Но вот впереди открылась изумрудно-зеленая долина, пересеченная косой цепью холмов, дремлющих в волнах марева. Перевалили

через одни холмы, потом другие. Если окинуть издали эти цепи холмов, то выяснится, что они отроги дальних хребтов. Постепенно понижаясь, выглаживаясь, эти косогоры превращались в протяженное плоскогорье. В каждом урочище, упирающемся в рукав предгорий, виднелась чабанская стоянка.

Они подъехали к одной такой стоянке и остановились возле чабанского домика. Высыпав из машины, застыли в восхищении, панорама – глаз не оторвать, а воздух – легким не насытиться свежим ароматом. Повсюду, куда ни посмотри, словно расстелили зеленый бархатный ковер. И везде – пестрые россыпи, а то и скопления цветов. Чабан, заметив, что они не могут налюбоваться картиной джайляу, сказал:

– Дни становятся теплее, трава поднимается в рост. Скот сейчас сытый. Дараты – это же благословенное место, где обитает дух удачи. Тронешь траву – выходит не сок, а масло.

Джигит бросил на долину взгляд, полный любви к прекрасной и богатой природе.

– Ты бы лучше гостей в дом пригласил, а не угощал словами о жирном скоте, – своей шуткой Гульжанат показывала всем, что она женгей² парню и может повелевать им. В ее голосе проскользнула нотка женщины, привыкшей к тому, что здесь ее привечают и балуют. После замечания женгей джигит расторопно засуетился, приглашая гостей в дом.

«Зря осадила она родича, – подумала Жанганым. – Если у этого сына природы все двенадцать месяцев в году зависят от капризов погоды, как ему не говорить такие слова».

Она не спешила заходить в дом. Любуясь видом горной долины, вспомнила стихотворение поэта Ильяса «Красота земли»:

...Люются золотом верхушки зрелой травы,
Той травой упивается, опьяняется скот,
Мечтая о кумысе из золотой той травы,
Живут албаны выше полета орлов,
На лугах, где зверобой, змеевка, люперна,
Молочай, эдельвейс, златоцвет, родиола...

Этот стих жил в ее памяти. И порой она думала: «Что за сила такая у золотой травы и что за растение такое – енлик-гул?» И она захотела своими глазами увидеть енлик-гул, подержать в руках.

– Здесь, наверное, растет цветок – енлик-гул?³ – спросила она у чабана-джигита, нисколько не смущаясь тому, что старше его и не знает про это растение.

– Ой, тате-ай! Ну и странная же вы. Цветов много, думаете, у нас есть время разбираться, что к чему? Мы же все время верхом, на лошадях.

Люди дружно рассмеялись. Жанганым смутилась своего неуместного вопроса и нахмурила тонкие брови. «Зря спросила об этом», – подумала она.

– Тате, пейте кумыса вдоволь. Пока сварится сирне⁴ из ягнятины, свожу я вас на озеро. Там и наберете цветов, какие только вам захочется, – сказал Нурболат, тактично изменив тему разговора и тем самым вызволив ее из неловкой ситуации.

Она знала, что в этих горах берут начало такие бурные реки, как Текес, Байынкол, однако никогда не слыхивала о каком-то озере. Поэтому она встрепнулась.

По дороге Нурболат объяснил ей кое-что про озеро.

– В свое время власти хотели построить здесь ГЭС, перегородили реку Текес. С той поры здесь появилось озеро. Стройку-то начали, но потом грянули перемены другой эпохи, работы замедлились, потом и вовсе замерли. Однако в водохранилище скопилось достаточно воды, образовалось неболь-

шое озеро. Даже рыба есть. Для хорошего отдыха не найдешь лучше места.

Приехав на место, они и сами убедились, что это есть самое настоящее озеро. Детишки барахтались в воде, джигиты ловили рыбу, женщины отдыхали на берегу, каждый был рад развлекаться по-своему.

Озеро с его причудливо изломанными берегами действительно было живописно. Глядя на сверкающую водную гладь с бегущими по нему округлыми волнами, на горную долину, переливающуюся серебристой зеленью, как бы плывущую всей ширию вдаль, Жанганым только теперь поняла, почему свекровь так любила это урочище...

Добрейшая свекровь, была она из трудяг, порой места себе не находила, если было нечем заняться. Она была закалена суровой жизнью, с ранних лет не приходилось ей выбирать себе занятие. И не привередничала, еще бы – подростком вышла на работу, чтобы прокормить старую мать и совсем юного братика, которые были на ее руках. Сама она была рослой, жилистой, с сильными руками и ногами. Казалось, жизнь ее создала в назидание и пользу другим, чистая душой, ничего не таила на сердце, не смущаясь, могла сказать правду в лицо. Говорят, на полях Дараты с молодых лет она работала вместе с косарями. А ведь это сезонная работа на все лето, когда человек три-четыре месяца не бывает дома. Каждую весну, оказывается, сама просилась туда. Кажется, этому была причина. Чем томиться и прозябать в аульной рутине, не лучше ли было пропадать, теряться душой на просторах Дараты? Весной – неутоленно упиваясь видом поднимающихся кипенной зеленью лугов, в летние дни – бродя по пояс в травостое, любясь постепенным переливом буйного, сизо-золотого цвета в осенние, густые тона элегической грусти и думы. И, наверное, смеялась самозабвенно, подставляя лицо белым дождям, гостям этих добрых гор. И бродила босиком по утрам по робкому инею. На ладонях гор она росла, подобно крылатому жеребенку, здесь встретила любовь, родила дитя. Бывает ли счастье выше этого?! Однако упорный в гордыне человек разве насытится когда-нибудь счастьем?

Когда Жанганым стала ее снохой, свекровь была далеко еще не старой, полной сил женщиной, неутомимой, жадной к работе... Больше, чем домашними делами, ее тянуло трудиться где-нибудь на воздухе, чтобы все спорилось и делалось много. Бывало, бросив все, выходила она и на сезонные колхозные работы.

– Когда надоест так надрываться? – сердился порой сын.

– Не торопи, придет время – еще насижусь дома. Скоро уже на пенсию, из колхоза нельзя уходить, ведь трудодни начисляются, – отвечала обычно свекровь. Эх, сердечная, оказывается, не трудодни она искала, а хотелось еще раз взглянуть на Дараты, подышать его прохладным медовым воздухом. Так думает теперь Жанганым.

Конечно, с возрастом человека начинает тянуть к местам, где прошла молодость. Жанганым теперь понимает это. Сейчас ей самой столько же лет, сколько было тогда свекрови. Некоторые привычки и поступки свекрови ей казались тогда странными. А если взглянуть на это сейчас, выходит, ничего необычного в ее характере не было, все ясно. В те времена Жанганым не хватило ни ума, ни проницательности, чтобы понять это.

Когда речь заходила о Дараты, в ее глазах вспыхивал огонек, улыбка начинала сиять на лице. Как теперь забыть ее оживленное лицо, озаренное внутренним светом? Видимо, тогда вспоминалась ей эта зеленая долина с как бы поющими тонами, где прошли лучшие годы ее жизни, годы, когда человек получает от жизни и отдает ей все. А потом она, чтобы сохранить эти ощущения, долго сидела наедине со своими мыслями. Чему радовалась, от чего печалилась эта безгрешная, доверчивая, божья душа?

Эту загадку унесла она с собой в вечность... И сколько бы теперь Жанганым ни ломала голову, отгадку ей не найти.

Прогуливаясь по берегу, Жанганым подумала: «С чего это вдруг вспомнилась мне покойная свекровь?» «Или аруах⁵ дает знак, чтобы почитала Коран? По возвращении домой нужно сходить в мечеть и заказать поминальную молитву», – решила она.

Ходу ее мыслей помешал Нурболат:

– Погода начала портиться. Эй, джигиты, собирайте рыбаков. Пока не пошел дождь, надо добраться до дома.

И тогда Жанганым заметила, что на северо-западе над горизонтом сгустились темно-серые тучи, с быстро движущимися клубами. Тучи угрожающе набухали единой лавой, ползли по наклонной вниз, наливаясь чернотой. От минуты к минуте они становились все гуще и тяжелее. Давно не приходилось Жанганым видеть такое скопление иссиня-черных туч. «Будет град», – сказал кто-то. Все же мало-помалу облака потянулись к горам, низко зависли над ними, клубясь еще быстрее растрепанными космами.

– Дождь ушел к горам, – радовался Нурболат.

Когда они уже сидели в доме чабана, первые, еще редкие капли дождя застучали по окнам. «Если небо над головой чисто, не думай, что не прогремит гром», – сказано народом о таких случаях.

Угостившись вкусной ягнятиной, они посидели еще немного, затем засобирались в дорогу – надо было дотемна добраться до дома. В это время огромная, грузная, серая туча затянула все небо, затушевав даже горизонт, и все вокруг сразу потемнело. В горах вечер наступает быстро, куда ни глянь – всюду множились, росли сумерки.

– Теперь вы не сможете проехать дорогой через Костобе. Машина по пути может завязнуть в грязи. Лучше вам ехать по кружной дороге. За озером есть хорошая шоссейка. Когда строили ГЭС, сначала проложили насыпь, потом засыпали гравием, плотно укатали. По нему выедете возле Жанатекеса, проедете мост, потом окажетесь на большой асфальтовой дороге Нарынкол – Алматы. Путь этот длиннее – но вернее, – сказал хозяин дома, хорошо знавший проезды местности. Нурболат охотно согласился с ним.

Тепло попрощавшись с хозяевами, вышли во двор, а дождь уже сеял порывами.

Как и накануне, переваливая через увалы и косогоры, преодолевая травянистые места, добрались до гравийного шоссе. Дальше машина пошла гораздо увереннее.

Будто дожидаясь именно этого, неожиданно хлынул, барабаня крупными каплями, сильнейший ливень. В свете фар крупные капли мельтешили перед лобовым стеклом, словно кто-то размахивал штормкой с нанизанными бусинками. Поверхность шоссе и обочины по обеим сторонам превратились в бурлящие заводы. Водитель вел машину осторожно, вглядываясь в муть, в таком месиве ненароком было съехать в кювет. Микроавтобус продвигался медленно, словно на ощупь. И это было понятно – прозевав поворот, можно было низвергнуться в крутой кювет.

– Вроде бы черная эта туча недавно ушла в горы. Откуда она опять взялась на нашу голову? Льет как из ведра! – в сердцах произнес Нурболат, вытянув шею, он напряженно всматривался вперед, едва ли не налегая грудью на руль.

– Откуда ты знаешь, был дождь в горах или нет. Может быть, там он лил еще сильнее? – откликнулась Гульжанат. Заметив небольшую белую птицу, сидевшую на дороге и глядевшую на них, Нурболат сбавил скорость. Когда машина приблизилась, белая птица взмыла вверх, но не шарахнулась в сторону, как ожидали люди, а ринулась прямо на лобовое стекло, и за мгновение до удара прыгнула в сторону и исчезла.

– Сова! Сова! – загалдели сидящие.

- Разве сова ночью летает?
- А когда ей летать, если не ночью?
- Я имею в виду – в дождь.

Пассажиры шумели, перебивая друг друга. Жанганым вспомнила слова, некогда слышанные в детстве от бабушки. «Сова – священная птица. Не показывается она на глаза случайному человеку. В двух случаях может показаться сова, – обьясняла бабушка. – Либо отмеченному особым счастьем человеку, либо какому-нибудь несчастному, которого ждет близкая беда».

Жанганым погрузилась в думы. Наверное, правда это – что сова священная птица. Иначе не стали бы люди цеплять перья совы к колыбельке ребенка, к тубетейке девочки, мол, от сглазу и порчи. Чувствуют какую-то тайну, вот и делают это. В народе издавна ходят такие слова: «оберечься совой». Неспроста это высокое почитание птицы, оно о чем-то говорит.

То ли потому, что с малых лет росла на руках бабушки и много слышала о старых повериях, мифах, Жанганым была не равнодушна к народным обычаям и обрядам. «Если та птица действительно сова, то среди нас есть либо отмеченный свыше человек, наделенный благом, либо едет бедняга, обреченный на беды. Кто же это из нас?» Она никому не поведала своих опасений, однако на душе стало тревожно, и она начала чего-то побаиваться. Сердце сдавила тяжесть, в душу вкрался необъяснимый страх, Жанганым стало как-то не по себе. «И почему я согласилась ехать в гости? Надо было упереться на своем и отказаться. Ну, как же навязали тебе свою волю другие люди? Из-за своей податливости и боязни обидеть человека сколько раз попадала в рискованные ситуации? Нашла бы какой-нибудь повод для отказа, никто не стал бы настаивать», – терзалась она. Сентиментальная, отзывчивая она! Помнится, один великий писатель сказал: «К запоздалому стыду и сокрушению приводит мужчину и бросает женщину в омут бесчестия одна и та же беда: уступчивость, чувствительность, разве не скрывается за этим дьявольский расчет?» Выходит, не смогла она избавиться от этой роковой черты своего характера, хотя не раз приходилось вкушать горькие плоды...

Они все ехали и ехали. Дождь лил безостановочно. Что это за бесконечная дорога, что это за дождь, которому нет конца?..

Заметив ее подавленное состояние, Гульжанат попыталась отвлечь ее от тяжелых мыслей:

– Вы, наверное, устали, тате. Потерпите немного, осталось чуть-чуть. Даст бог, сейчас проедем мост, выедем на асфальт. А дальше начнется дорога, по которой мы ездим каждый день.

Откуда было ей знать, что Жанганым была утомлена не дорогой, а своими мыслями.

Впереди показался берег, оттуда снизу хлынул на них потоком глухой рев воды. Этот низкий и мощный рокот, казалось, разрывал на части все ночное пространство. Медленно продвигаясь вперед, они поняли, что подъехали к мосту. Джигиты начали переговариваться о дороге.

– Противоположная сторона моста вроде бы повыше была. Если разогнаться, то на полной скорости должны выехать.

– Я и сам думал об этом...

Только начали было разгоняться по спуску к мосту, как впереди замигала фарами какая-то легковая машина и вскоре вынырнула навстречу. Подъехав совсем близко, она остановилась сбоку. Из нее вышли трое джигитов и начали что-то говорить, показывая в сторону моста. Нурболат, вышедший из машины и говоривший с ними, вернулся. Лицо его было бледным, глухим голосом он сообщил:

– Парни говорят, что потоком только что снесло мост.

«Аллах, спаси нас!» – только и смогла пробормотать Жанганым. В ту же минуту в машине воцарилась мертвая тишина. И пока машина, дав задний ход, как бы нехотя развернулась на обочине, никто не произнес ни слова. Легковой автомобиль, обогнавший их, растворился в полной темноте и исчез. Рев разбушевавшейся реки постепенно стих за спиной. Дождь нисколько не ослабел. Гульжанат, вытягивая шею, вглядываясь в темень, удивленно сказала:

– Эту машину земля проглотила, что ли? Нигде не видно света фар.

Все дружно прильнули к стеклам. Однако кругом была тьма. Не различить ни отблеска. Только свет их микроавтобуса, разлитый немного впереди, колебался, дрожал, рассеиваясь в толще дождя. Этот размытый проем света, вклиниваясь в завесу дождя, показывал, что струи воды летели косо. Видимо, ветер усилился.

Теперь они ехали даже медленнее и осторожнее прежнего. Каждый сидел со своими мыслями. Конечно, никто из них не хотел показывать страха, овладевшего ими. Вскоре почувствовали, что гравийное шоссе закончилось, началась грунтовая дорога. Машина остановилась, джигиты вышли, посоветались, затем микроавтобус легонько тронулся с места. Пассажиры сидели молча, затаив дыхание. Наверное, каждый сейчас в душе молил об одном: «От одной беды спаслись, лишь бы теперь выбраться на асфальт». Да, не зря говорят: «На корабле у всех на душе одно». Машина поворачивала то вправо, то налево, однако ехала без остановок. Ночью дорога казалась бесконечной. А ведь днем приехали вроде бы быстро. «Лишь бы живыми и здоровыми добраться до дома». Вроде бы страх немного рассеялся, Жанганым заметила, что некоторые из сидящих начали подремывать. У нее же издавна была привычка хранить бдительность в едущей машине. Она по-прежнему не отрывала взгляда от черной пучины, колышущейся перед микроавтобусом. Душевное равновесие вернулось к ней, и мелкая дрожь в теле вроде бы тоже улеглась. Краешком глаз посматривала на Нурболата. Тот по-прежнему, как влитой, сидел на своем месте, вцепившись в руль. Все его внимание было сосредоточено на дороге. Ночь словно заволкла тьмой – дневные красоты долины и обратила мир в жутковатую, колдовскую загадку. Сейчас с растущим страхом ощущалось, как опасно ездить ночью в незнакомых местах.

Все время покачиваясь, машина добралась до откоса асфальтовой дороги, с разгона устремилась вверх и, натужно воя, сползла обратно.

– Вот тут-то мы и забуксовали, – сокрушенно вздохнул Нурболат, снял руки с руля и откинулся на спинку сидения. Все, кроме Жанганым, вышли из машины и начали кружить вокруг нее. Она сидела неподвижно. Что она может, что ей делать, если выйдет наружу? Однако, чувствуя неловкость, вышла и она. Под ногами хлюпала грязь, пузырились лужи.

– Сидели бы на месте, – наперебой уговаривали ее спутники.

Джигиты суетились, бегали туда-сюда, пытаются что-то предпринять. Кто-то нес ветки, кто-то искал камни. Кто-то с лопатой в руках выбрасывал грязь из-под колес. Разве испугать такой трудностью парней, привыкших колесить по бездорожьям этих первозданных краев? Они не дрогнули, засунули под колеса ветки, положили камни, начали дружно толкать и вскоре вызволили машину из грязи. Они толкали ее до самого асфальта и потом только сами сели. Как только колеса оказались на асфальте, машина, словно сказав: «Где ты, аул», – с ревом устремилась вперед. «Слава богу! Слава богу!» – перевела дух Жанганым.

Когда они въехали в ночной аул, было уже за полночь. Никто из них и слова не произнес о случае перед мостом. Утром, встав, Гульжанат испекла семь лепешек и раздала соседям...

После еще одной ночевки Жанганым собралась в дорогу. Увидев за окном автобуса скелет полуразрушенного моста, она вспомнила переживания той ночи. В одно мгновение пронеслись перед глазами все те события. И опять дрожь охватила тело. Какая-то таинственная сила спасла их от гибели в бурлящем потоке, когда они собирались на всей скорости захватить мост, не зная, что его уже нет. Конечно, это божье провидение послало им навстречу ту самую легковую машину.

А до встречи с той машиной разве не вылетела наперерез им белая птица? Жанганым уже тогда почувствовала, что это непростая птица, и сидела настороже. Только не знала, к чему эта весть. И вдруг озарение молнией пронеслось в ее душе, оставив болевой след. Не дух ли ее свекрови витал белой совой той ночью?

В одной книге нашла недавно: «После смерти душа умершего человека обретается в тех местах, где некогда был он счастлив». В таком случае, это на самом деле так. Где же еще будет летать душа свекрови, если не над любимым Дараты? И она, увидев, что они мчатся навстречу своей смерти, распростерла крылья и бросилась на лобовое стекло, чтобы остановить их, спасти от бесславной гибели. Будто с криком кинулась на них: «Куда это вы несетесь? Возвращайтесь!» Как же не поняли они этого знака? Нет же, они что есть мочи гнали к мосту. И та самая машина, что встретила у моста, непонятно откуда взявшаяся и куда-то канувшая потом, – тоже загадка.

Жанганым, вытянув шею, прислушалась к разговору маленькой старушки, устраивавшейся рядом с ней, и ее товаров.

– В ту ночь, говорят, с моста одна машина слетела в воду. В ней якобы сидели три молодых джигита, – старушка молитвенно провела ладонями по лицу. «Астагфиrolла!⁶ – прошептала Жанганым, взявшись за ворот. – На все воля Аллаха!»

Осознав, что чудом спаслась от большой опасности, повторяла молитвы, возносила благодарность Богу. А душа чувствовала близость веры. И все время чудилась ей некая загадочная связь между легковушкой, которая повстречалась им ночью у моста, и машиной, по разговорам, упавшей в воду.

Автобус, проехавший недалеко от Жанатекеса, повернул в сторону Кайнара. Жанганым откинула спинку сидения, расположилась поудобнее, повернув к окну усталое лицо. Пожелав себе счастливой дороги, посмотрела влажными глазами на горы, закутанные в голубоватую дымку. Больше она не хотела вспоминать тот случай у моста. Думала сейчас о том только, как бы добраться до дому. Сначала ей надо в Алматы, дальше лежит далекая дорога в Астану...

Перевод Аслана ЖАКСЫЛЫКОВА